

Георгий Скрипкин

ОТ ОДИНОЧЕСТВА

(сборник стихов)

Санкт-Петербург

Дуновение зимы

Снега нет, но иней гложет
Травы, смятые прохладой.
Ветер землю не тревожит.
Солнце в небе ярче злата.

Пруд притих под льдом прозрачным.
Жизнь кипит на хрупкой глади.
Там по льду гоняют мячик,
Здесь коньки на ноги ладят.

От коньков на свежем глянце
След хоккейный остается.
Детство светится румянцем,
Смехом в небе отдается.

Зима

Снегу нынче намело до самых крыш.
Снег под елками хозяином лежит.
Скрип по ельнику разносит из-под лыж.
Это поросль деревенская бежит.

Снег искрится, лезет в детские глаза,
Застилает их морозной белизной.
Гонят зайцев озорные голоса.
Хороводит детство с зимушкой-зимой.

О, господи!

О, господи! За что наслал мученья
В обертке неоправданных придинок,
В обойме незаслуженных упреков,
Во взгляде, переполненном презреньем.
За что в душещипательных беседах
Любовь моя бесследно растворилась,
Поникли нераскрывшиеся чувства,
Застенчивость сковала мои губы
И сердце, выворачивая ребра,
Пытается покинуть мое тело.

О, господи! Прости мне прегрешенья,
Которых никогда не совершал я.
Позволь стряхнуть словесные оковы,
Неправдою связавшие мне руки,
Найти хотя бы робкую улыбку
Под маской обесцененных страданий,
Услышать ободряющее слово
С акцентом возрождаемой надежды
На трудное, но праведное счастье.
И большего мне, господи, не надо.

Декабрь

Декабрь пришел с обильным снегом,
То хлопья валят, то крупа.
Засилье туч в холодном небе.
Зима на солнышко скупа.

Летают юркие синички,
Хватают корм с озябших рук.
В морозный день не до приличий
И смелость краше на миру.

Такой кураж, такая смелость
Не снились даже воробьям.
Они комочками расселись
Или забились по щелям.

Хлопочут важные вороны
В утробах мусорных бачков.
А рядом нехотя, но грозно
Рычат собаки на котов.

В глазах слезливых безысходность
Моргает робкою мольбой
И вся судьба собачья схожа
С российской нынешней судьбой.

Диета

Ты снова села на диету,
В который раз измерив вес.
Украдкой смотришь на конфеты,
Но терпишь, сладкого не ешь.

Не ешь ни фрукты, ни мучное,
Не пьешь ни кофе, ни Шампань.
Лишь только семечек немного,
Да горстку пресных марципан.

Настырно давишься слюною,
Отводишь жадные глаза.
А жизнь проходит стороною
И не воротится назад.

Ты пьешь до дна мучений чашу,
Сама собой увлечена.
Люби меня, хотя почаще,
Диета будет не нужна.

Молодость

В молодости все отведать хочется,
Все проблемы хочется решить.
Молодость не думает о почестях,
Дружбой бескорыстной дорожит.
Молодость – идиллия романтиков,
Кладезь неизвестных ощущений.
Хочется любить и не обманывать,
Искренне боля всепрощеньем.

Молодость до времени не жадная,
Словно бесконечность впереди,
Брачными тисками не зажата,
Ищет вдохновение в пути.
Молодость таинственной мозаикой
Случаем выкладывает судьбы,
Потчует кого-то наказанием,
Делает кого-то неподсудным.

Инстинкт

Инстинкт далеких предков в нас проснулся,
Чужая кровь пьянит.
Животному инстинкту повинуюсь,
Торопимся казнить.

Стремимся насладиться беспределом
С пародией на власть.
Бахвалимся не щедростью и делом,
А способом украсть.

Выпачиваем миру бездуховность
Под рабским колпаком.
Возами импортируем греховность
И учим бардаком.

Подкладываем юных россиянок
В заморскую постель,
Бросаем их за крохи подаянья
В загаженный бордель.

До времени дремавшая жестокость
Ощерила нутро,
Ведет от созидательных истоков,
От видов на добро.

Прекрасное виденье

Отсвет серебряной луны
На миг привлек мое вниманье
И с потревоженной струны
Сорвался вздох воспоминаний.

Нахлынул ливень жарких дней
На безразличие прохлады.
Я буду счастлив только с ней,
Другого счастья мне не надо

Я буду счастлив только с той,
Чей образ в небе отразился,
Заполнил небо красотой,
В моем сознание растворился.

Я полечу к ней в никуда,
Храня последнюю надежду
И путеводная звезда
Мое стремление поддержит.

Я обязательно найду
Мое прекрасное виденье,
Внесу на свет и на свету
Ее краса не будет тенью.

Сила любви

Слизнул холодный ветер все сомненья с ваших губ,
Унес с собой ненужные слова.
Обрывки одиночества остались на снегу,
От близости кружится голова.
Оттаяло заждавшееся сердце от любви
И ожили от радости глаза.
Мороз порыва нежности не мог остановить,
Зима была не в силах наказать.

Как искренни объятия и жарок поцелуй,
Как ласкова упрямая рука.
Ах, милый мой, желанный мой, до срока не балуй.
Но жажда наслажденья велика.
Прекрасно состояние душевной наготы,
Пленительна святая новизна.
От жаркого дыхания, от нежной теплоты
Пришла на землю ранняя весна.

Татьяне Снежиной

Хрустальная снежинка, сибирский талисман,
Отчизны недопетая печаль.
Блуждающий во времени безжалостный шаман
Унес тебя в неведомую даль.

Хрустальная снежинка, застывшая струна,
Застывшая на ноте доброты.
Цветами обделенная, но вечная весна
Взывает с недописанных картин.

Стреноженную рифму стремлюсь освободить,
Делюсь своим лирическим теплом.
Я знаю, ты сумеешь уходя, не уходить,
Я верю в исцеление добром.

Расставание

Огрызок месяца блуждает
В печальной раме небосвода.
С рассветом звезды отцветают,
В туманной мгле не хороводят.

Печаль бессмысленной разлуки
Звучит во вздохе расставанья.
Слабеют сцепленные руки,
В который раз прощаюсь с вами.

В который раз тепло слезинки
Я пью распухшими губами.
Волнение глаз неотразимых
Пытаюсь взять себе на память.

Халява

Достались на халяву мужику
Земные, да и водные пространства.
Развеял он дремавшую тоску,
Забылся и зациклился на пьянстве.

По-пьянке за бесценок раздавал
Леса и потревоженные недра,
Куражился, а что не пропивал,
Пускал без сожаления по ветру.

Прослышав о сокровищах едва,
Повадились дельцы из-за границы,
Прилипла развеселая братва
И прочие лихие проходимцы.

Заметно поубавилась казна,
Уменьшились несметные богатства.
Плачевной оказалась новизна.
...Заканчиваю, чтоб не заругаться.

Твои глаза

Твои глаза. Я помню их, я вижу их.
Они взирают на меня сквозь толщу лет.
Тогда любовь мы не делили на двоих.
Была единственной любовью, сегодня – нет.

Когда ловил я на себе твой нежный взгляд,
От счастья сердце вырывалось из груди,
Дела, терзавшие сомненья, шли на лад.
Я понимал, что был на свете не один.

В тени разлук я ощущал твоё тепло.
Тоскуя, шел к тебе на свет большой любви.
Когда ты нежно улыбалась, мне везло,
Но вдруг растаяла улыбка и улы.

Букет любви мы разделили на двоих.
Мою застывшую любовь накрыла тень.
Твои глаза. Я помню их, я вижу их.
Они забыть мне не дают счастливый день.

Театр теней

Смахнула Рождество рассерженная вьюга,
Накинула вуаль на зарево огней,
Отправила меня по замкнутому кругу.
Я шел к своей любви, попал в театр теней.

В табачной полутьме кривлялись чьи-то лица.
Со сцены наплывал дешевенький стриптиз.
Горбатый саксофон не мог уgomониться.
Блондинку целовал подвыпивший метис.

В углу голубизна потела от кокетства,
Слюнявились в засос сторонники меньшинств.
Я водкой заглушил подобное соседство
И душу запахнув, во вьюгу поспешил.

Судьба

Песня утренней капли –
 Солнечная звень.
Птицы с юга прилетели,
 Знать весенний день.
Раскрасневшиеся лица,
 Шляпки набекрень.
Солнце просит веселиться
 Всех, кому не лень.
Словно юные невесты
 Яблони в саду.
Подмигни любовной вестью,
 Я к тебе приду.
Зацелую в одночасье,
 Ласка на губах.
Вот оно – земное счастье,
 Вот она – судьба.

Счастье

Жует вечерняя прохлада без разбору
Листву опавшую и вялую траву.
Иду к околице, дышу сосновым бором.
Над бором звезды разбавляют синеву.

На глади озера парчевую дорожку
Луна – волшебница лучами соткала.
Она подсвечивает звездную мережку,
В которой плещутся плотвичка и голавль

Питает бодростью вечерняя прохлада,
Наводит рифму на меня сосновый бор.
Родная Русь! Другого счастья мне не надо,
А в этом счастье невозможен перебор.

Когда же?

Еще беда не заросла бурьяном,
Подбросив угольку.
Свалилось горе многотонным АНом
Не только на Иркутск.

Смешались в кучу наглая беспечность
И скромный героизм.
Одни ушли в божественную вечность,
Другие в эгоизм.

Когда же смерть с шакальими глазами
Подавится костями?
Когда же боль, умытая слезами,
Отпустит хоть на миг?

Когда трястись от взрывов перестанет
Российская земля?
Когда она расщедрится цветами
В ухоженных полях?

Бесовщина

Живут в стране у нас чубайсы и мавроди,
А остальные не живут, а прозябают.
И, в основном, не бесталантливые вроде,
Но без сомнения на грабли наступают.

Висит какая-то зловещая завеса.
На ней следы от чумаков и кашпировских.
И люди тянутся за посулом словесным,
Сминая ближних до бесчувствия, до боли.

По мановению тщеславного кумира
Открылись шлюзы человеческих страстишек.
Горят глазницы вурдалаков и вампиров,
Растут отряды обворованных и нищих.

И, в основном, не бесталантливые вроде,
Но кормят их заморским словосочетаньем.
И правят музыкой чубайсы и мавроди,
И люди гибнут в ритмах бешеного танца.

В нас что-то есть

В нас что-то от собаки есть,
И это что-то,
Подмяв достоинство и честь,
Немного стоит.

Оно шпигует души нам
Животным страхом,
Несет по жизненным волнам
В обитель мрака.

Мы лижем руку, а она
В крови по локоть.
Возводим хама и лгуна
На трон пророка.

И только боязно скулим,
Когда пинают.
Бредем понуро в Древний Рим.
Они ведь знают.

Январская оттепель

Вот снова оттепель слизнула липкий снег.
Земля до времени лишилась покрывала.
Ей до весны беспечно б нежиться во сне,
Но сон смахнул январский ветер задувало.

Он нес за пазухой заморское тепло,
Свистел разбойником он в трубы дымовые
И делал все тщедушной зимушке назло.
От ветра звери то ли плакали, то ль выли.

Под вой и свист, еще не взятые в полон,
Клонились в поле обнаженные березы,
А те деревья, что скупилась на поклон,
Роняли ветви и оттаявшие слезы.

Рукой безжалостной лохматились кусты
И разметались залежалые сугробы.
Земле хотелось, чтобы ветер поостыл,
А он куражился, насилуя за робость.

А он куражился, и думы о весне
Переплетались с пожеланием – дожить бы.
Как рано оттепель слизнула липкий снег,
Оставив землю без естественной защиты.

Ты меня не мучай

Ты меня не мучай
И себя не мучай,
Слезы береги.
Свой любовный лучик
Я на всякий случай
Отдал за долги.
Разбросал по ветру
Оды и сонеты,
Перья затупил.
С розовым рассветом,
Вспомнив про приметы,
Понял, что сглупил.

Затаив обиду,
По волнам тумана
Муза уплыла,
Высветив, что было
Правдой, что обманом,
Что эмблемой зла.
И вмешался случай,
Так как я везучий –
Баловень судьбы.
Ты меня не мучай
И себя не мучай,
Счастье не губи.

Карты – картишки

Карты – картишки.
Дама, валет.
Страсти – страстишки,
Да или нет.
К тройке с семеркой
Выпадет туз.
Взятка из мертвых,
Ставь и не трусь.

Ставить ли дальше,
Вдруг перебор?
Юный игральщик
Буром попер.
К даме с десяткой
Выпал валет.
Не было взятки,
Денежек нет.

Карточный шулер
Встал на пути.
К девушке Шуре
Не с чем идти.
Сердце шальное
В пятки ушло.
Там где-то ноет
Парню назло.

Если бы папа
Прикуп свой знал,
Я бы не лапу
Нынче сосал.
Я бы на Вольво
Девок катал,
Жил бы привольно,
Горя б не знал.

Лучше на кон ты
Ставь по одной.
Выиграл – кончи,
Сдался – не ной.
Кабы, да если б,
Чуть, да авось.
Старая песня,
Старый вопрос.

Зимняя песня

День зимний короток,
 закат еще короче,
Но темень радостней
 от снежной белизны.
Мне темень скорое
 свидание пророчит
Вечерней песней
 несравненной новизны.

Поет тропинка,
 припорошенная снегом
Под легкой поступью
 знакомых каблучков.
Луна-проказница
 посматривает с неба
На обладательницу
 песенных шагов.

А в песне слышатся
 счастливая готовность
И нескончаемая
 радость бытия.
Любви не свойственна
 унылая условность
В той белизне,
 в которой только ты и я.

Волчок

Кирюшкой звали мальчика,
Волчком его собаку
И были неразлучными
Кирюшка и Волчок.
Кирюшка был с рождения
отпетым забиякой
И каждый закоулочек
Был мальчику знаком.

В отличие от мальчика –
смешного забияки,
Доверчивым и ласковым
был маленький Волчок.
Доверчивого песика
без страху гладил всякий,
А тот, в знак благодарности,
вилял своим хвостом.

Но вот однажды девочка
попалась нашей паре,
Похожая на куколку
с малиновым бантом.
Кирюшка поднатужился
и, как заправский парень,
Обидел эту девочку,
толкнув ее плечом.

Обиженная девочка
присела на скамейку
И слезы огорчения
вдруг брызнули из глаз.
Кирюшка раззадорился
и корчился от смеху,
Почуяв над обиженной
невиданную власть.

Волчок же, по наивности,
сначала растерялся,
Застыл в недоумении,
вильнул разок хвостом,
Но вовремя опомнился,
к скамейке подобрался,
Лизнул девчонке туфельку
шершавым язычком.

Девчонка успокоилась,
взяла Волчка на ручки
И слезы огорчения
слизнул он язычком.
Кирюшка разобиделся,
сгрубил на всякий случай
И в первый раз за грубости
облаян был Волчком.

С тех пор Кирюшка с девочкой
зовут собаку Дружбой.
Охотно отзывается
на новый зов Волчок.

Он рядом с ними бегаёт,
волчком меж ними кружит,
Вертит безостановочно
от радости хвостом

Попрошайка

Как только он на свет явился,
Так стал настойчиво просить.
Он так истошно голосил,
Страшнее только волки выли,
Рычали львы, когда ловились,
Да тигр и тот в расцвете сил.

Просил у мамы и сестренки,
Просил у тети и отца.
От крика красным был с лица.
Собаки с кошками сторонкой
Спешили мимо молодца,
Пугались мудрые вороны.

Со всей настырностью кричащей
Просил он все, что видел глаз.
При слове «нет» входил в экстаз
И слово «да» звучало чаще.
Ему и дед был не указ,
И бабка, что кормила слаще.

Чем больше рос, тем злей канючил.
И век бы мучиться родне,
Но в январе, в один из дней
Произошел забавный случай.
Рыхля лопаткой белый снег,
Нашел крикун волшебный ключик.

Тот ключик стоило погладить,
Как исполнялся в тот же час
Любой каприз, любой заказ
Без лишних слов ему на радость,
Без злого крика на показ.
Да и реветь, чего бы ради.

Зачем реветь, когда сбывалась
Любая просьба, как во сне.
Растаял ключик по весне
Под теплым ветром-задувало,
А вместе с ним растаял снег
И блаж прошла, как не бывало...

...Цветет под окнами лужайка.
В семье не видят больше слез.
Ведь ключик выручил всерьез
Того, кто звался Попрошайкой.
Мне слышать это довелось
От старой бабушки-всезнайки.

Январская слякоть

Январь по-осеннему хвор и туманен.
Туману не жаль синевы.
Прохожие в прятки играют с домами
Вдоль берега сонной Невы.

Когда в переулках осенняя слякоть,
То пасмурно в душах людей.
Душа суетливо пытается плакать
По призрачной малой беде.

От скорбной души утомляется тело.
Открыт я от пят до волос.
Тогда почему же в меня очерствелость
Летит из-под скорых колес.

Тогда почему же, облепленный грязью,
Я руку не в силах поднять,
Беседуя с богом, я мыслю о разном
И бога мне трудно понять.

Я понял бы бога, не видя печали
В глазах обреченных на мрак.
Я б с ним говорил о духовном начале,
Но грезится новый ГУЛАГ.

ГУЛАГ не на кончиках ржавой колючки,
А в жилах заводов и шахт.
И там униженья не кажутся лучше,
Там росчерком судьбы вершат.

Для пыток не нужно застенков ГУЛАГА,
Дешевле пытать на дому
Под сгорбленной тенью российского флага,
Под отблеском солнца в дыму.

Владимиру Высоцкому

Я знаю, ты б сейчас кричал в сто крат сильней.
Я знаю, струны б ты менял намного чаще.
И если сердце порвалось тогда на части,
Сегодня б вспыхнуло в предательском огне.

Я знаю, ты б сейчас не пел крутой братве,
Я знаю, ты б не стал любителем тусовок.
При виде роскоши твоя б стонала совесть.
При встречах с бедностью просилась б кровь из вен.

Я знаю, ты б сейчас играл в забоях шахт,
Я знаю, ты б сейчас стоял на дне окопа.
И отморозки об тебя б ломали копья,
А вместе с ними те, кто судьбами вершат.

Я знаю, ты б сейчас занес в свою тетрадь
Послание к Родине истерзанного тела.
Твоя б душа сегодня факелом горела.
А, впрочем, вот она горит на зло ветрам.

Поэту и гражданину

В. Высоцкому

Твое б не выдержало сердце
При виде слез седой старухи,
Когда б к тебе тянулись руки,
Твои б не выдержали нервы.

И ты бы встал одним из первых,
Надежды страждущим даруя.
На гриф натянутые струны
Бросали б хлесткие напевы.

Ты б пел про скомканное детство,
Клеймя вождей за беспризорность.
Про то, что кто-то выкрал зори
И про коварство лицедейства.

И про лавину униженья,
С верхов накрывшую Россию,
Про безнаказанность насилия
И про блатное окруженье.

Ты б пел про мнимую свободу,
Что тешит нас законом джунглей.
Свобода та горчит от жути,
Да и дана не ради бога.

Твое б не выдержало сердце
При виде слез седой старухи,
Когда б к тебе тянулись руки,
Твои б не выдержали нервы.

Последний вечер года

Мороз крепчал, багрянился закат.
Без суеты высвечивались звезды.
На откровенья вечер был богат
И добротой искрился свежий воздух.

Светилась ель Гостиного двора,
Стремилась в небо яркими лучами.
Народ спешил, ведь год уж догорал,
Но в ритмах улиц не было печали.

Метелица

Тьма свалилась на поселок,
Снег не держится на тучах.
Стих засыпанный поселок,
Трактор стих под снежной кучей.

Ветер – взбалмошный хозяин
Зверем воеет на погосте,
Без конца кресты терзает,
Словно ищет чьи-то кости

Треплет свежие сугробы,
Снегом сыплет бессистемно.
Оттого людская робость
Не суется в злую темень.

Запорошенные окна,
Занесенные подъезды,
Потерявшие дорогу
Чьи-то тайны и надежды.

Встреча

Небо голубое с белой поволокой,
Чуткое безмолвье снежной белизны.
Солнце над кустами кажется далеким,
Церковь на горюшке – символ старины.

Вьется в перелеске снежная дорога.
Скрип из-под полозьев рвется в небеса.
Загнанные кони стали у порога.
Милого встречает девица-краса.

Сладость поцелуя, жаркие объятья,
Слезы откровенья, нежные слова,
Робкое признание, свадебное платье.
Некогда молодке нынче тосковать.

Небо голубое с белой поволокой.
Чуткое безмолвье снежной белизны.
Солнце для любимых вовсе не далеко.
Церковь на горюшке – символ новизны.

Постой, не уходи.

Постой, не уходи, не исчезай.
Я многое хочу тебе сказать.
Взгляни в мои печальные глаза,
В них искренность, им можно доверять.
В них искренность вызывает к чистоте
Поступков и раскованности чувств.
Испробовав назойливых утех,
Я чувствовать по-новому учусь.

Постой, не уходи, побудь со мной.
К своим губам улыбку поднеси,
Разбавь ее искрящимся вином
И страстным поцелуем закуси.
Вдохни в меня душевное тепло,
Согрей мою слабеющую грудь.
Откликнется разбуженная плоть
На нежную любовную игру.

Вот так да

Пришла из садика расстроенная внучка.
Слышны придирки: то не этак, то не так.
Браня игрушки за какой-нибудь пустяк,
Дала котенку незаслуженную взбучку.

Мы всей семьей старались внучку успокоить.
Она решила о причинах умолчать.
Потом за ужином, попробовав мычать,
Разговорилась и поведала такое!

Собрались в садике сплошные забияки.
Сережка Зябликов – ужасный говорун.
Петров Валерочка – обжора и хитрун,
А Светка Шадрина такая задавака.

Маринка – ябеда, Оксана – попрошайка,
Антошка – жадина, Кирюшка – егоза.
Зовут очкариком Никиту за глаза,
А Ленку Павлову – хвастливою зазнайкой.

Аленка – плакса, а Степанова – неряха.
Толстяк Котеночкин – известный истукан.
Алешка Ванюшкин – отпетый хулиган,
А Милка Лямина – большая растеряха.

И только Чижиков – вчерашний сладкоежка,
Сегодня в садике конфеткой угостил.
За что, естественно, пришлось его простить
И, задрожившись, отвязаться от Олежки.

За разговором позабыли мы про ужин.
Картинно охали, стараясь не шуметь.
Пересказать мне так, как внучка, не сумеь
Про всех друзей ее, про всех ее подружек.

Волшебный ящик дяди Феди

Пришел в наш садик дядя Федя,
Не тот, который съел медведя,
А тот, который рамы ставил,
Столы и стулья ловко правил.

Волшебный ящик был у Феди,
Не у того, кто съел медведя,
А у того, кто всю неделю
Чинил скамейки и качели.

В волшебном ящике у Феди
Хранились лучшие на свете
Стамески разного размера,
Пила, топор, отвертка, метры,
Рубанок, клещи, долото,
Шурупы, гвозди, молоток.

Мы восхищались дядей Федей,
Не тем, который съел медведя,
А тем, который утром рано
Чинил столы и ставил рамы.

Ябеда-карябеда

Что за шум разносит ветер?
Про кого судачат дети?
Даже добрый старичок
За болтливый язычок
Дразнит Петьку ябедой,
Ябедой-карябедой.

Ну играли детки в мячик,
Ну паснули неудачно.
Залетел тот мяч в окно,
Выбил стеклышко одно.
Тут же Петька ябеда,
Ябеда-карябеда.

Или Нестеров Серега
Бросил камень на дорогу,
А попал в автомобиль,
Фару чуточку разбил.
Снова Петька ябеда,
Ябеда-карябеда.

А когда Серов Антошка
Нежно гладил чью-то кошку
И от ласки кошка та
Потеряла полхвоста.
Выдал Петька – ябеда,
Ябеда-карябеда.

Или Сидорова Галка
Замахнулась только палкой,
Угодила, как назло,
Мишке маленькому в лоб.
Тут же Петька – ябеда,
Ябеда-карябеда.

Надоел он всем на свете,
Оттого не только дети,
Но и добрый старичок
За болтливый язычок
Дразнит Петьку ябедой,
Ябедой-карябедой

Приглашение

Привкус одиночества забудь,
Слезы огорченья иссуши.
Только допусти в свою судьбу,
Скрашу я потрепанную жизнь.

Пыль стряхну с зашторенных окон,
Лаской докажу ненужность штор.
Бережно из замкнутой глуши
Выведу на песенный простор.

Выведу в звенящую весну,
К радости журчащего ручья.
С губ твоих сомнения слизну.
Ты оттаешь в солнечных лучах.

Любовь и море

Уведу тебя в южную ночь,
Напою ароматом лаванды
И о море сыграю без нот
И без струн на натянутых вантах.

Отзовется морская волна,
Унесет нас по лунной дорожке.
Я нырну и достану со дна
Жемчугов голубые сережки.

Подмигнет озорная луна
И под бархатом звездной накидки
Захлестнет нас другая волна,
На смущенье не делая скидки.

Тревога

Луна чуть видимым серпом
И солнце в темных пятнах.
К заливу пыль летит столбом –
С ума ветрище спятил.

А на деревьях воронье
Впилося когтями в ветки.
С надрывом каркает оно,
Не жалуя рассвета.

Испуг несет вороний гвалт
И странную тревогу.
Людских страстей девятый вал
И все во славу бога.

Чтоб что-то доказать

Чтоб что-то доказать,
Не стоит уходить,
Тем более не стоит умирать.
По прожитым годам
Душа моя скорбит,
А в будущем бесформенный мираж.

Ты смотришь на меня
Сквозь черную вуаль.
Во взгляде и обида, и печаль.
Печаль в твоих глазах
Впервые увидал,
А, может быть, ее не замечал?

Прошу тебя, ругай,
Но только не молчи,
Ударь меня иль словом, иль рукой.
Меня не оставляй
В рассерженной ночи
С корявой, недописанной строкой.

Представь себе, что все
Плохое позади
И радость жизни вовсе не игра.
Чтоб что-то доказать,
Не стоит уходить,
Тем более не стоит умирать.

Дуют ветры ...

Дуют ветры, завывают злые ветры.
То ли плачут, то ли в бешенстве хохочут,
А душа моя наивно ждет ответа
И кричать от безысходности не хочет.

Странный вой ветров сравнить пытаюсь с ложью,
Но надежда замолкает не случайно.
На щеках слез нет, мне в сердце льются слезы,
Разбавляя кровь гнетущею печалью.

Ушла

Ушла ты с легким ветерком
В простор небес, в сиянье радуг,
Собрав в пучок седые пряди,
Простившись волжским говорком.

Ушла туда не насовсем,
А просто так, из любопытства
И, как с работы, ровно в семь,
Придешь домой, чтобы забыться.

Придешь домой, чтобы любить,
Чтоб быть по-прежнему любимой.
Другой стези не может быть,
Пока любовь неистребима.

Мартовский мороз

Мороз вцепился мертвой хваткой
В дома притихшие и скверы.
Весна на чувства скуповата,
Да и придирчива без меры.

Ее холодное дыхание
Для вольных птиц уже не в радость.
Берез серебряные пряди
Поникли в робком ожиданье.

Который день под ярким солнцем
Искрится воздух в легкой дымке.
И все, быть может, по сезону,
По плану снежного владыки.

И, может быть, по долгу службы
Мороз вцепился мертвой хваткой.
Но в марте от февральской стужи
Под ярким солнцем мрачновато.

Я потерял

Я потерял полсолнца и полнеба.
Я потерял часть леса и лугов.
Я потерял все то, где раньше не был
С тобой. Моя родная, не с другой.

Я потерял романтику рассветов,
Я потерял душевность вечеров.
Рисует жизнь мне черно-белым цветом
Диагноз, что я больше не здоров.

Я потерял открытую улыбку
И приобрел зудящую печаль.
Пишу в слезах корявые верлибры,
Пока еще горит моя свеча.

Банька

Банька топится по-белому.
Под ногами снег пушистый.
Что же ты со мною делаешь
Мой миленочек ершистый.

Не испытывай терпение,
Подложи еще дровишек.
Моего сердцебиения
Неужели ты не слышишь.

Ах, какой ты недогадливый,
Ах, какой ты молчаливый.
Поспеси меня порадовать,
Сделай чуточку счастливей.

Занеси в парное облако,
В баньку с веничком пахучим.
Что же ты стоишь как вкопанный,
Словно ласкам не обучен.

Ах, какая банька жаркая,
Да с горячим поцелуем.
Нынче времени не жалко мне,
Я тебе его дарую.

Банька топится по белому.
Мы ныряем в снег пушистый.
Оглянуться не успела я,
Как исчез мой друг ершистый.

Только миг

Я напрасно заглянул в твои глаза,
Подсластив свой взгляд дешевым комплиментом.
Завелась твоя блудливая краса,
Захмелев от возбуждения моментом.

Страсть была, но в ласках не было тепла,
Обходилась ты стандартными словами.
Вечер кончился, и ночь давно прошла,
Я опять с тобою встретился глазами.

Не выпячивай так явно красоту,
Убери с лица кричащие пороки.
Ты не сможешь увести меня в мечту,
За бурлящие житейские пороги.

Ты красива только тем, что молода,
Только тем, что по-весеннему беспечна.
Но смахнут красу спешащие года,
Потому, что наша молодость не вечна.

Апрельский снег

Под утро выпал снег.
Пушистым покрывалом
Укрыл, оттаявшие было, косогоры,
Присыпал улицу от дома и до школы.
И вновь весеннего тепла как не бывало.

Мне снег слепит глаза,
Выдавливая слезы.
Пускает зайчики от солнечной короны.
В гнезде, устроившись, ругаются ворона,
Пугает карканьем апрельские морозы.

Все чисто и свежо,
Но чуточку печально.
Мне слишком холодно от зимнего дыхания.
Я очень жду зеленых трав благоуханья
И настоящего весеннего начала.

Эй, цыганочка

Эй, цыганочка – смуглянка,
Поведи своим плечом,
Разгадай мое желанье,
Растолкуй мне, что почем.

Я давно не сплю ночами,
Ты на слово не скупись.
Околдуй меня очами,
Только в душу не стучись.

Я и сам боюсь нарваться
На каприз моей души.
Не спеши меня сосватать,
Бросить в омут не спеши.

Эх, цыганочка - смуглянка,
Выпей доброго винца.
Я прошу, не ради пьянки,
Ради сказки без конца.

Благовест во Владимирской церкви

Благая весть поет в колоколах.
Благою весть разносит по округе.
А я скорблю, скорблю о милом друге,
Скорблю о той, что рано отцвела.

Взирает скорбь с владимирских икон.
Держу свечу дрожащими руками.
С моей души стряхни пудовый камень,
Молю я бога, глядя на амвон.

Но не расслышал бог мои слова,
А я не мог дышать благою вестью,
Но все стоял, как вкопанный, на месте
И в забытии икону целовал.

Весенняя капель

Не пачкай душу мне,
Прошу, не пачкай душу.
Твоим словам сегодня
Только грош цена.
Я не хочу твои упреки
Больше слушать.
Взгляни на улицу,
По ней идет весна.

Взгляни на улицу,
Попробуй улыбнуться.
Попробуй вслушаться
В весеннюю капель.
В твоей душе удары
Капель отзовутся
И от любви тебе
Захочется запеть.

И от любви тебе
Захочется воскликнуть
В порыве нежности
Душевные слова.
Весна-проказница
Добра и многолика.
Весна-проказница
По-своему права.

Весна и одиночество.

Быть может, нет для одиночества коварней,
Чем бесшабашная поющая весна.
Она пьянит мужчин и женщин без вина.
Она разводит одиночество по парам.

Теплеют чувства от весеннего дыханья.
Слезинки радости сливаются в ручьи.
В весеннем воздухе романтика звучит
И исполняются заветные желанья.

И, может быть, от человеческого счастья
Вдруг распускается зеленая листва.
Благую весть несут служители Христа,
Скрепляя здравицу волнующим причастьем.

Любовь и время

Вы молоды, а значит и красивы.
Вы веселы, а значит влюблены.
Смотреть на Вашу страсть невыносимо
Сквозь призму будоражащей весны.

Глазами не стреляйте, ради бога.
Попробуйте сегодня не любить.
Для русского смотреть и не потрогать,
Что вскрытого вина не пригубить.

Не смейтесь, я прошу Вас беспричинно.
А, впрочем, это может быть смешно.
Вы молоды и зрелому мужчине
Любить Вас аморально и грешно.

Но может ли любовь быть аморальной,
Расписанной по числам и годам.
Не верю я зацикленной морали
И с радостью всего себя отдам.

Нева

Живя на волжских берегах,
Я разве мог себе представить,
Что будет тешить мою старость
Другая русская река.

Река, которую воспел
В своих стихах великий Пушкин.
На ней сверяют с залпом пушки
Часы больших и малых дел.

Река, которая хранит
Следы величия державы.
Дворцы глядятся величаво
В Неву, одетую в гранит.

Река, к которой я иду
В минуты радости и горя.
О ней пишу и с нею спорю,
И с нею в вечность отойду.

Ваш взгляд.

Вы улыбались, глядя вдаль
Улыбкой искренней и нежной.
Я в вашем взгляде увидел
Едва блеснувшую надежду.

Я в вашем взгляде рассмотрел
Шальные искорки лукавства.
Ваш взгляд теплом меня согрел,
Разбавил быль волшебной сказкой.

Я в вашем взгляде утонул,
Но и не думал о спасенье.
Я в здравом смысле шел ко дну,
Хвалил за это день весенний.

Хвалил за это Летний сад
С его скамьей под старой липой
И не искал пути назад
В безумный Питер многоликий.

Метель

Долетел до меня в затяжную метель
Отголосок участия.
Телефонная трель, телефонная трель.
Твое тихое: «Здрасте».

Твой волнующий вздох в утомленной ночи,
Вереница вопросов.
Я прошу – говори, не молчи, не молчи
Мой родной отголосок.

И в счастливом бреду твое имя кричу
В телефонную трубку.
Приезжай поскорей, я люблю, я хочу
Целовать твою руку.

Приезжай поскорей, впрочем, что это я,
За окном непогода.
Поутихнет метель, заалееет заря,
Не пройдет и полгода.

Но не хочешь ты ждать заалевшей зари
И бросаешься в темень.
Потому, что горда и не терпишь пари
На любовную тему.

Неподкупная красота

Плачешь ли, смеешься,
Снам ли отдаешься,
Смотришь ли пугливо
В чрево темноты,
Самою желанной
В сердце остаешься
Ты, моя родная,
Ты и только ты.

В стареньком халате,
В ситцевом ли платье,
В праздничном наряде
С модным декольте,
Нет тебя красивей,
Нет тебя приятней.
Дай мне раствориться
В этой красоте.

Дай мне насладиться
Жарким поцелуем
И услышать песню
Сердца твоего.
Я тебе за это
Жизнь свою дарую.
Жизнь свою даруешь,
Только и всего?

Дурной сон

Ты мне приснилась в жемчугах и в платье белом,
Сидящей в роскоши, за праздничным столом.
Твой ухажер, прикрыв очками отупелость,
Стремился выглядеть непуганым орлом.

Хмельные гости, что есть сил, кричали: «Горько».
Вы целовались под ухмылки остряков.
Я вашей паре не завидовал нисколько
И только прятал зависть сжатых кулаков.

И, отчего-то, в забытии скрипел зубами,
Не отводя от ваших лиц сердитых глаз.
Я понимал, что не смогу отнять словами
И все ж просил со мной уйти в последний раз.

Я так просил тебя, что в ужасе проснулся.
Нет, все же первую тогда проснулась ты.
Своей рукой горячей нежно прикоснулась
И я прочел твой взгляд небесной чистоты.

И я обнял тебя решительно и страстно,
Я целовал тебя в открытые уста.
Обнять любимую – какое это счастье.
А быть тобой любимым – это ль ни мечта.

Ах, ты, милая проказница....

Ах, ты, милая проказница.
Ах, ты, ангел мой прелестный.
Не могу тебе отказывать,
О тебе слагаю песни.

За тебя молю я господу,
Видя образ в поднебесье.
Будь моей желанной гостьей,
Будь мне преданной невестой.

Но не жди кольца венчального,
Не дразни меня фатою.
Мне не выплеснуть с печалью
Все, что было пред тобою.

Мне не вырвать из сознания
Смех и плач десятилетий.
Только знай, что ты - весна моя,
Ты – мое родное лето.

Чего хочу?

Чего хочу? К чему стремлюсь я?
Куда все время тороплюсь?
Зачем всю жизнь, болея Русью,
Не чту униженную Русь.

Зачем страдаю, выбрав образ,
Но не испробовав души.
Зачем сдаюсь порою скорби,
Забившись где-нибудь в глуши.

Ничто не вечно в этом мире.
Ничто не вечно. Даже скорбь.
Прикрыв глаза, проходит мимо,
Спешит за ближний косогор.

И я спешу, стремлюсь к чему-то,
Плутаю в множестве дорог,
Храня под маской балагура
Один единственный порок.

Солнечный пейзаж

Тучи разбежались, солнце распалилось,
Жаркими лучами землю ворошит,
Заспанные лужи лижет терпеливо,
Каждую ложбинку хочет осушить.

Гладит по загривку пегого теленка,
Делает корове солнечный массаж.
Тянутся деревья к солнечной гребенке.
Радует детишек солнечный пейзаж.

Ах ты, птенчик черноглазый...

Ах ты, птенчик черноглазый,
Беспокойная душа.
Что дрожишь, когда я глажу?
Иль ладонь не хороша?

Может быть она шершава,
Может быть она стара.
Только знай, что нет в ней жала,
Нет колючего пера.

Ощути через ладони
Жажду сердца моего
И услышь, как сердце стонет,
Если ранят вдруг его.

Ощути и не пугайся
Ты моих горячих губ.
Я в любви бываю, каюсь,
Ненасытен, но не груб.

Подошла электричка...

Подошла электричка.
Я вошел с нетерпением в вагон.
Натолкнулся мой взгляд
На глаза незнакомой старухи.
Где светился твой взгляд,
Где был нежный и ласковый взгляд,
Прислонилась к окошку
Печаль неизбежной разлуки.

Я бежал по вагонам,
Я искал дорогое лицо
И с надрывом шептал,
А, быть может, кричал твое имя,
Оставаясь юнцом,
Оставаясь безусым юнцом.
Но стучали колеса,
Что мы уже стали чужими.

Порыв

Ты, как всегда, пришла внезапно, без звонка
И нежно гладила тебя моя рука.

Ты торопилась, торопилась, как всегда
И вместо нет, прикрыв глаза, сказала «ДА».

И я, опомнившись, к губам твоим приник.

Ты утолила жажду мне, но лишь на миг

Ты утолила жажду мне, исчезнув вновь,

Ушла к ничтожеству делить свою любовь.

Бег времени

Вагон на станцию вчера уж не придет,
Вагон на станцию вчера уж не вернется.
Вчерашний день печалью в сердце отдается.
Печаль и завтра в моем сердце не пройдет.

А поезд времени в неведомую даль
Уносит прочь мое истерзанное тело
И беспрерывно воеет ветер оголтелый,
Приумножая безысходную печаль.

Ты, скорый поезд, я прошу, подзадержись,
Не ускоряй свой бег на стыках и на спусках.
Стучит в мозгу от бесконечной перегрузки,
Напоминая, как ничтожна наша жизнь.

Смотрю с надеждой я назад, а не вперед.
Мне впереди уже немного остается.
Вагон на станцию вчера уж не вернется.
Вагон на станцию вчера уж не придет.

Милая моя

Милая моя в далеком далеке
Бегаёт по утренней росе.
В ситцевом купальнике
И с лентою в косе
Бегаёт по утренней росе.

А я по ней скучаю,
Но писем не пишу.
А я по ней страдаю,
Но ехать не спешу.

Милая моя нуждается в любви,
Хочет быть красивей и добрей.
Там, в краю коварных и непуганых зверей
Милая нуждается в любви.

Милая моя худеет от разлук,
Вес свой уменьшает без диет.
Ждет от друга милого какой-нибудь привет.
Ждет привет и тает от разлук.

Милая моя в далеком далеке
Спит в краю непуганых зверей.
Нет ее, наверное, красивей и добрей
Только вот в далеком далеке.

И я по ней скучаю,
Но писем не пишу.
Ах, я по ней страдаю,
Но ехать не спешу.

Кафе любви

Уютное кафе на М. Посадской.
Для нас с тобой Иглесиас поет.
А за окном не зимние осадки,
Не снег кружит, а дождь холодный льет.

Но дождь холодный вовсе не помеха
Двум любящим, мечтательным сердцам.
Я радуюсь, и ты цветешь от смеха.
Цвет радости идет твоим глазам.

Любовь парит над стойкой и столами.
Слова любви с твоих слетают губ.
Я пью любовь и нежными словами
Спешу с тобой связать свою судьбу.

Кураж

Как сексуально вы курили,
Ловя сигару язычком.
Вы сексуально ели, пили,
Смеясь над грешным мужичком.

А он потел от ваших вздохов
И возбужал от ваших глаз.
Он был скупым, но все же лохом
И вас хотел уже сейчас.

Он вас хотел скорее лапать
Своею потною рукой.
На вашу грудь готов был плакать.
Готов был звать вас дорогой.

Его знобило от желанья.
В его глазах читалась страсть.
А вы куражились жеманно,
Шептали тост за разом раз.

Ты спишь

На всем видны следы бессонной ночи,
Вино грустит в недопитых фужерах.
Пытаюсь помечтать и попророчить,
Приткнувшись у погасшего торшера.

Ты спишь, а солнце лижет твои губы.
Ты спишь, а солнце гладит по руке.
Наш день, счастливый день идет на убыль.
Уж вечер где-то ждет невдалеке.

Я снова ощущаю твои ласки
И страсть твоих волнующих объятий.
Приятно угорать в любовной пляске,
Но нежностью дышать еще приятней.

Спасибо за минуты наслаждения.
Мы раньше так друг друга не любили.
Проснись, мое счастливое виденье,
Проснись и обними меня, любимый.

Южный роман

Южный роман у подножия скал,
Голубая морская вода.
Ветер морской мои кудри ласкал.
От забот не осталось следа.
Солнечный день и лавандовый рай
Невзначай познакомили нас.
Было любви, может быть, через край,
Но об этом мы вспомним не раз.

Море – кладовая чувств.
Ты меня позови.
В море я с тобой умчусь
За частичкой любви.
В море только ты и я,
Да морская волна.
Где-то позади земля,
Но она не нужна.

Короток день, ах как короток день,
Как печален могучий платан.
Холод идет от дорог и от стен
И над морем холодный туман.
Нет больше слов, но нужны ли слова,
Если лица за все говорят.
Будет ли кто так меня целовать,
Под желтеющей мглой сентября.

Лета зачерпнуть успеи,
Зачерпни с родника.
Радость до конца испей
У морского песка.
Море – кладовая чувств,
Ты меня позови.
В море я с тобой умчусь
За частичкой любви.

Южная ночь запустила Луну
В кладовую мерцающих звезд.
Лежбище скал, отошедших ко сну,
Не тревожит ночной небосвод.
Нежной рукой ты коснулся волос
На пустынном морском берегу.
Песню любви ветер в море унес,
Ветер в море унес с наших губ.

Волны не ласкают нас
В эту южную ночь.
Чайки, задремав в волнах,
Нам не в силах помочь.
Море – не тенистый сад,
Где поют соловьи.
Ветер не вернет назад
Песнь любви, песнь любви.

По грибы

Березка прячется под соснами,
А вот еще одна, еще одна.
Грибы не ждут дождливой осени
И мне та осень не нужна.

Иду с лукошком за маслятами.
Под елку манит боровик.
А там волнушки машут шляпами,
Под мох забился моховик.

А что сереет под березами?
А что краснеет вдалеке?
А что в траве блестит под росами?
А что расселось на пеньке?

Куда ни глянь, грибные залежи
Лисичек, рыжиков, груздей
И вдруг черника показалась мне.
Малина рдеет на кусте.

Во что же брать? Лукошко полное.
Пустым остался только рот.
Открыл я рот и, вместо полдника,
Умял из ягод бутерброд.

После банкета

Моя любимая, я снова задержался.
Прости, любимая, за пошлый перегар,
За то, что поднял свой бокал, не удержался,
За то, что вовремя тебя не приласкал.

Моя любимая, не стоит огорчаться.
Я подарю тебе букет счастливых дней.
Мои признания не нужно рвать на части.
Я докажу тебе, что нет меня родней.

Я докажу тебе, что нет меня нежнее,
Меня добрее и внимательнее нет.
Ну не молчи, прошу, слова сейчас нужнее,
А лучше выскажи с улыбкою «привет»

Я только гость, почетный гость на вечеринке,
А не какой-нибудь коварный ловелас.
Мы юбилеи отмечаем по старинке.
И, как мужчины, поднимаем тост за вас.

А за тебя, родная, я не мог не выпить,
За наше счастье и за верную любовь.
Мне после третьей рюмки так хотелось выйти,
Но поднимали тост за женщин вновь и вновь.

Безрассудный роман

Мою судьбу украсил бог
Волшебным изумрудом.
Я оторвать свой взгляд не смог
В то сказочное утро.

Вы вышли в белом на балкон,
Тогда вы вышли в белом.
И я был с вами не знаком,
И шел себе без дела.

Но, вдруг, поймал ваш нежный взгляд
И сердце защемило.
Я вам сказал, что очень рад,
А вы назвались Милой.

Встречал нас солнцем южный пляж,
Ласкал волной морскою.
Я пил любовь красивых глаз
И гладил вас рукою.

Был безрассудным наш роман,
Коротким было лето.
Ушла любовь в морской туман
И стоит ли об этом.

Бесчувственная осень

Последние ромашки отцвели.
Под ветром оголяются березы.
Крадутся петербургские морозы.
От стужи улетают журавли.

С волненьем провожаю журавлей.
Как хочется умчаться вслед за ними.
Мне осень повторяет твоё имя,
Но сердцу не становится теплей.

Но сердцу не становится теплей
От сиплого осеннего дыханья.
Уйми в себе последнее желанье,
Расслабься и о прошлом не жалея.

Прости меня за то, что не Рубцов.
Прости меня за то, что не Есенин.
Я с детства поэтически весенний
И осенью любиться не готов.

Не хочу

Не хочу, чтоб меня любили.
Не хочу, чтоб меня пасли.
Я устал от любовной пыли,
Я устал от шальной тоски.

Я хочу улететь к созвездьям
От подножья хрустальных гор.
Я хочу быть с тобою вместе
Безмятежный морской простор.

Пусть я сед, но душою молод
И последний – не мой сезон.
Но манит меня в вечный холод
Убегающий горизонт.

И бросают косые взгляды
Те, которых любил вчера,
Те, которые были рядом
В полупьяные вечера.

Не хочу, а быть может просто
Не могу поддержать огня?
Оттого и спешу на остров,
На котором не ждут меня.

Осень в Горелово

За окошком не дождь и не снег,
За окошком унылая осень.
Ветер рвет красно-желтую проседь,
Восседая на диком коне.

Конь копытами бьет по листве,
Что с деревьев под ноги ложится.
Листьям желтым недолго кружиться
Под там-там оголенных ветвей.

А свинцовая серость небес
Залезает в озябшую душу
И пытается сердце прослушать
Без тепла и согласия без.

Воспоминания

Ах, эти смачные года,
Когда влюблялись навсегда,
А через день иль через два
Уж разбегались, кто куда.

Мы были молоды и в нас
То бес всеялся, то Пегас,
То твист нас радовал, то вальс,
То моря штиль, то ветра шквал.

Какие были времена.
Тогда нам было не до сна.
Тогда... А нынче тишина.
И я один, и ты одна.

Ночные демоны у ног
Моих дежурят как назло.
И я теперь без Ксюш и Мил
Не пьян, печален и уныл.

Город Павловск

Ах, город Павловск – райский уголок.
Люблю бродить в бескрайней неге парка.
Здесь от красы в любое время жарко,
А шелест листьев – поэтичный слог.

Здесь даже ярче утренний восход,
Здесь я дышу лирической рифмой
И слышу ветра песенные ритмы.
Под них березы водят хоровод.

Ручные белки прыгают с деревьев,
Манят к себе пушистыми хвостами,
Мелькают птиц приветливые стаи.
Какая прелесть Павловск в сентябре.

В Африку

Несет меня попутный ветер
От наших северных широт
На жаркий африканский север,
В объятия пальмовых красот.

Я сброшу потные одежды,
Войду в прохладу волн морских,
Смахну вчерашнюю надежду,
Развею признаки тоски.

И выйдя на берег песчаный,
Поймаю солнечный загар.
И взгляд Ваш будет не случайным,
И ласки с видом на закат.

Дождь в Тунисе

В Тунисе дождь тягуч по-петербуржски.
Вторые сутки морось достает,
Холодный ветер в море каламбурит,
Седым волнам утихнуть не дает.

И стаи волн бросаются на берег,
Смывают в море бархатный песок.
Небесный свод терзают тучи-звери.
Хранитель Солнца снова занемог.

И не влекут ни бархатные пляжи,
Ни галерея пальмовых красот.
Тунис без солнца – истинная лажа.
Тунис без моря – камни, да песок

Мой бог

Меня спросили: «Есть ли бог»?
И я ответил: «Есть».
Судьбу он выбрать мне помог,
Убавил мою спесь.

Рукою женской приласкал,
Мужскую дать не смог.
Его я в детстве не искал,
Он сам меня берег.

Берег от хвори и хандры,
От жажды и нужды,
Хранил от горькой мишуры
И прятал от беды.

Хранил от подлости людской,
От алчного огня.
Вот и сейчас, из года в год
Мой бог хранит меня.

Потрогать божью благодать
Посредников не счесть.
Одним чего-то нужно дать,
Другим милее лезть.

Давно известен их портрет,
Не в этом новизна.
Люблю общаться тет-а-тет
Я с богом, без посла.

Ах, как хочется

Ах, как хочется мне любить,
Ах, как хочется быть любимым,
Чтобы вместе с любимой быть
Мне частичкою неделимой.

Чтобы вместе одним лучом
Любоваться, проснувшись утром.
Чтобы счастье одним ключом
Закрывать от сварливых шуток.

Чтобы пить эликсир любви,
Не спеша уходить из дома.
Чтобы больше не делать вид,
Что горю от чужой истомы.

Символы Руси

Люди вы, мои родные,
символы Руси.
К вам тянулся я в унынье,
бог меня простит.
С вами верил в неприступность
наших рубежей.
С вами видел я преступность
клерков и вождей.

Вы в меня вселили веру
в русскую мечту
Без нужды кого-то свергнуть,
а кого-то вздуть.
Без намека на насилие,
без кивка на ложь.
В этом будущность России,
в этом ее мощь.
В том реальная свобода,
мир и благодать,
Ведь у нашего народа
много славных дат.

И не меркнут эти даты
в памяти людской.
И уже милей закаты,
и алей восход.
И уже мечты красивей,
и озноб ушел.
Новый символ у России
с русскою душой.

Бабье лето

Зря говорят, что наши женщины
грешны.
Безгрешность осень подтверждает
бабьим летом.
В нее мужчины проезжают без билета,
Преображаясь от осенней новизны.

А новизна в ее приятной желтизне,
В притихшей зелени под сполохом багрянца,
В туманном таинстве без пафосного глянца,
В волшебном золоте доверчивой казны.

Ах, бабье лето, как деньки твои красны,
Как хороши твои осенние одежды,
Как восхитительна проснувшаяся нежность.
Зря говорят, что наши женщины грешны

Декабрь 2005-12-20

Уж Новый год не за горами,
А снега нет и нет.
Смурной декабрь сорит ветрами,
Тревожа божий свет.

Зима пришла с осенним ливнем,
Без снежной белизны.
Жиреют тучи над заливом
В подмоченные дни.

Нева, всклокоченная ветром,
Настырно бьет гранит.
И Летний сад уставшей веткой
К себе уж не манит.

Долгожданный снег

Словно волшебница мелом
Пишет на зимнюю тему.
Снег ослепительно белый
Лег на озябшую землю.

Только вчера еще слякоть,
Грязь на домах и машинах.
Так и хотелось поплакать
Над изголовьем судьбины.

Так и хотелось отдаться
В лапы хандры и печали.
Так и хотелось остаться
В склепе бездушной морали.

Но ослепительно белый
Снег – долгожданный художник,
Радует душу и тело,
Праздник несет осторожно.

Предновогодний ажиотаж

Тихо росла наша стройная ель
Детство свое вспоминала.
Вдруг закружилась людей карусель
Предновогоднего бала.

Первым под елку легко притрусил
Тот, что любитель природы,
Вскинул топор и слезу проглотил.
Век не видать бы свободы.

Но появился сосед-книголюб,
Чуть на поэта похожий.
Лихо припрыгал злодей-лесоруб,
Бешеный, видно по роже.

В профи-ручищах бездушный топор
Стал выколачивать щепки.
Слышно в лесу за укором, укор,
Стиль поэтический, крепкий.

Чей же ребенок водить хоровод
Будет под елкою этой.
Или без радости праздник пройдет,
Кончится песней неспетой.

И не угаснет в глазах огонек,
Душу скрести будут кошки.
Только от елки один лишь пенек,
Словно от козлика рожки.

Уводит в осень.

Уводит в осень листопад,
уводит в осень.
А я весеннюю люблю
с глазами в просинь.
А я весеннюю тебя
возьму с собою
И отогреюсь на ветру
твоей любовью.

И будет желтый листопад
любовным ложем.
Захочет дождь нам помешать,
но он не сможет.
Нас будут птицы приглашать
из-за тумана.
И мы уйдем с тобой на крик
к далеким странам.

Туда, где неба синева
резвится в море,
Где виноградная лоза
спешит на взгорье,
Где нас не сможет разлучить
златая осень.
Там будем только я и ты
с глазами в просинь.

Моим любимым женщинам

Я преклоняю перед женщиной колено,
Снимаю шляпу перед женщиною я.
Все в этом мире или временно, иль тленно,
И только женщина – константа бытия.

И только женщина – вершина мироздания,
Источник мудрости, хранительница грез.
Сегодня милое и хрупкое создание,
А завтра озеро из выплаканных слез.

А завтра птица, улетающая в вечность
Или виденье, приходящее на миг,
Или застенчивое, тихое: «наверно»,
Или надрывный и настойчивый каприз.

В ее хранилище и нежность, и бунтарство,
Слепая преданность и ревность без причин,
Чуть-чуть открытости, немножечко коварства,
И бездна страсти для обласканных мужчин.

И, без сомненья - это лучшее творенье
Родимой матушки по имени «Земля».
Я преклоняю перед женщиной колено,
Снимаю шляпу перед женщиною я.

Колючка

Твои колкочие глаза
И челка озорная.
Я полюбил их навсегда,
За что, и сам не знаю.
Меня преследуют они
И днями и ночами.
Я прогоняю эти дни
И ночь не привечаю.
Я убегая от тебя
И вновь спешу увидеть,
Кричу проклятья, не терпя,
Молчу, боясь обидеть.
И наслаждаюсь красотой
Наивного безумства,
И упиваюсь добротой
Шального безрассудства.

Свидание с Музой

Несговорчивая Муза
повернулась мне лицом.
Нежно в ухо напевает,
называет молодцом.

Я ее прижал покрепче
и коснулся алых губ.
Говори, моя родная,
я не буду слишком груб.

Не молчи, моя родная,
утоли мою печаль,
Пододвинь ко мне поближе
изумрудную скрижаль.

Улыбнулась озорница,
вдохновеньем обняла,
Отодвинула подальше
все житейские дела.

И пустился я в мечтаньях
в дебри сказочной страны.
Там природа первозданна,
и красавицы стройны.

Там от жара поцелуев
закружилась голова,
И от этого круженья
рифмой скрасились слова.

Не могу остановиться,
сочиняю без конца.
И не сходит наслажденье
со счастливого лица.

Учащенно бьется сердце,
огоньком горят глаза.
И поет мое сознание
на любые голоса.

Я спешу, чтоб насладиться
поэтическим вином.
Чтобы пить и не напиться,
спутав явь с кошмарным сном.

И отслеживает Муза,
как рифмую я слова,
Как ложатся эти рифмы
на безмолвие листа.

Двадцать одно

Потупив взор уставший, перезрелый,
Страна простилась с многождыгероем.
Наш бронепоезд вздыбился на рельсах,
Театр абсурда прибыл на гастроли.

Долой застой, да будет дисциплина.
Одни за план, другие за порядок.
Цеховики попрятались под плинтус
От зуботычин скорых на расправу.

Кто видел в том крутые перемены,
А кто возврат к забытому диктату.
Но большинство скукожилось в сомнении,
Тая желанье лидеру отдаться....

...Последний залп затих у стен кремлевских,
И горсть земли последняя упала,
И на страну опять дыхла древность
Из-под остатков дряхлого забрала.

И вновь на сцену выползла бездарность
С запасом лести, с жаждой на даренье.
Звезду героя сгорбленному старцу
И поцелуи горстки престарелых.

Но не сдержать весеннего журчанья.
Пришел рассвет со словом «перестройка».
Он взбудоражил в миг людские чаянья,
Освободил надежду от оброка.

И потянулись люди за словами,
Стремясь услышать правды отголоски.
Отныне гласность правила умами,
Звучала речь без пафоса и лоска.

Ах, мед бы пить бодрящими устами,
Но пьянству бой, даешь людскую трезвость.
Вся наша жизнь наполнилась мечтами,
Гудел Союз с Чукотки и до Бреста.

Гудел Союз от битвы с мелочами.
С лозой рубили право на достаток.
От нетерпенья ружья не молчали,
Стреляли вверх, но в сердце попадали.

Реальность дел сменилась говорильней,
Зияла брешь в пустеющих прилавках.
Страна предстала очередью длинной,
В которой ненависть искала правду.

В которой злость по разумам носилась
И выходила вместе с матерщиной.
Какой закон, там правил балом сильный,
Ходил кулак под дых и по морщинам.

В сердцах разбит прожектор перестройки,
В рядах творцов партийное шатанье.
Трещат по швам союзные устои,
Социализма крах - уже не тайна.

Надрывный скрежет гусеничных траков,
ГКЧП последние потуги.
Но не пошел народ в большую драку,
Не защитил партийные хоругви.

Лихая тройка в пуще Беловежской,
И жирный крест на контурах Союза.
От прежней дружбы только головешки,
И символ братства стал никчемным грузом.

Толпа борзых ликует с упоением,
Слышны призывы, одобренные водкой,
Звучит «ура» безумному правлению
И грабят все от недр до производства.

Трещат по швам российские амбары
Проворней многих мойши и абрамы.
Они в обойме **русских** олигархов.
Стыда в них нет, зато в избытке сраму.

Раззявив рты и шмыгая носами,
У проходных стоят простолюдины.
Интеллигенты с мокрыми глазами
С тоской глядят на дикую картину.

Им места нет при варварской дележке.
Их голос слаб в грабительском оргазме.
Для них готовят мрачные ночлежки,
Где роль бомжей страшной тюремной казни.

Кремлевский бог назначил эпитимью,
Но были странны меры наказания:
Одним мочить клозеты золотые,
Другим стоять за пайкой подаянья.

От алчных слуг, от пьяной вакханалы
Тошал кошель российского бюджета.
Текло добро наличкой и безналом
Во все концы ликующей планеты.

Мир подпевал прорабу беспредела,
Рукоплескал безнравственной когорте.
Казна страны российской опустела.
Роптавший люд ударило дефолтом.

Маслена неделя

Ох, ты, Масленица – мать,
Блинная неделя.
На губах сметанный смак
И блаженство в теле.

В понедельник у снохи
Потчуют блинами.
Без ста грамм блины сухи
И сыры местами.

А во вторник смаковал
Дочкино творенье.
Подливал зять – хитрован
Мне за одобренье.

Средь недели у сватьи
Блинчиков наелся.
Прочитал хвалебный стих,
Бражкой поднагрелся.

А в четверг попутал бес
И завел к соседке.
Помню блин, что к бабе лез
И под глаз отведал.

А на пятый маслен день
Принят был зазнобой.
Съел блины, и стало лень,
Справиться со сном бы.

Во субботу восхвалял
Тещино уменье.
Не заметил, как умял
Двадцать штук – не мене.

А в воскресный день жена
Вместе с поцелуем
Чарку выдала к блинам:
«Кушай всласть, мой любый».

Так и жил бы, словно гость,
В благовонье блинном
Но настал Великий пост,
Кончилась малина.

Рождественская ночь

Рождественская ночь стучится в ставни,

Подмигивает сказочная ель.

Мороз поет медовыми устами,

Без Вас грустит озябшая постель.

Вы растворились в снежной круговерти

И, вспоминая юные года,

Дотронулись рукой до хвойной ветки:

Скажи мне ветка, я ль ни молода.

Скажи мне ветка, я ль ни заслужила

Простого счастья в сказочную ночь.

И в тот же миг поземка отступила,

И звездный мир открылся под луной.

Утро на Неве

Невы игривое течение
хранит гранитная оправа.
Мостов чугунных ожерелья
глядятся в воду, словно Павы.

Играют солнечные блики
на крыльях ангела на шпиле.
В его сияний град великий,
встает ухоженным и стильным.

И стражи верные на Стрелке
не спят Ростральные колонны.
С приходом дня не входит в реку
судов бесчисленных колонна.

Нева резвится с катерами,
над ней летают Метеоры.
Она, простившись с рыбаками,
сдает гостям свои просторы.

В гармонии речи иностранцев
с певучей трелью русской речи.
Дворцов искрящиеся стразы
влекут к речному побережью.

Влекут к красотам Петербурга,
к сердцам, по-питерски открытым.
Я рад встречать такое утро -
предвестник дружеских событий.

СОДЕРЖАНИЕ

Дуновение зимы	1
Зима	2
О, господи	3
Декабрь	4
Диета	5
Молодость	6
Инстинкт	7
Прекрасное виденье	8
Сила любви	9
Татьяне Снежиной	10
Расставание	11
Халява	12
Твои глаза	13
Театр теней	14
Судьба	15
Счастье	16
Когда же..?	17
Бесовщина	18
В нас что-то есть	19
Январская оттепель	20
Ты меня не мучай	21
Карты-картишки	22
Зимняя песня	24
Волчок	25
Попрошайка	28
Январская слякоть	30
Владимиру Высоцкому	32
Поэту и гражданину	33
Последний вечер года	34
Метелица	35
Встреча	36
Постой, не уходи	37

Вот так да	38
Волшебный ящик дяди Феди	40
Ябеда-карябеда	41
Приглашение	43
Любовь и море	44
Тревога	45
Чтоб что-то доказать	46
Дуют ветры	47
Ушла	48
Мартовский мороз	49
Я потерял	50
Банька	51
Только миг	52
Апрельский снег	53
Эй, цыганочка	54
Благовест во Владимирской церкви	55
Весенняя капель	56
Весна и одиночество	57
Любовь и время	58
Нева	59
Ваш взгляд	60
Метель	61
Неподкупная красота	62
Дурной сон	63
Ах, ты, милая проказница	64
Чего хочу?	65
Солнечный пейзаж	66
Ах, ты, птенчик черноглазый	67
Подошла электричка	68
Порыв	69
Бег времени	70
Милая моя	71
Кафе любви	72
Кураж	73

Ты спишь	74
Южный роман	75
По грибы	77
После банкета	78
Безрассудный роман	79
Бесчувственная осень	80
Не хочу	81
Осень в Горелово	82
Воспоминание	83
Город Павловск	84
В Африку	85
Дождь в Тунисе	86
Мой бог	87
Ах, как хочется	88
Символы Руси	89
Бабье лето	90
Декабрь 2005	91
Долгожданный снег	92
Предновогодний ажиотаж	93
Уводит в осень	94
Моим любимым женщинам	95
Колючка	96
Свидание с Музой	97
Двадцать одно	99
Маслена неделя	103
Рождественская ночь	105
Утро на Неве	106